

Роман
Ударцев

П
Л
А
С
Т
И
К
О
В
Ы
Й

ВЕК

16+

Роман Сергеевич Ударцев

Пластиковый век.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51383022

SelfPub; 2020

Аннотация

Чего ждать от будущего? Благостных мудрых долгожителей, что днями на пролет размышляют о сути бытия, или злобных дикарей, жрущих радиоактивных крыс? А может роботы или инопланетяне? Ответ один – мы не знаем. Можем только представлять и прилагать максимум усилий, чтобы человечество хотя бы выжило. Пережило ту кашу, которую заварили мы. И то, что потомки это смогут сделать, отнюдь не прописано в вечных скрижалях. Эти рассказы о будущем и настоящем. Хотелось бы писать благостные истории, но автор обязан быть честным, а потому большинство рассказов не слишком оптимистичные.

Изображение для обложки взято с сайта бесплатных изображений Пиксабай: <https://pixabay.com/ru/illustrations/девочка-заседание-кибер-баррель-1913378/>

Биокомп.

Внутри давно хотел купить себе компьютер на биологическом носителе, проще говоря биокомп. Но где взять восемьдесят хряпов? Отец вкалывал на орбитальной «Звезде Смерти» мойщиком иллюминаторов. Имперцы, редкостные жмоты, платили только двадцать шесть хряпов в цикл. Этого едва-едва хватало на аминокислотную кашу и протеиновые коктейли. Даже инфо-кристаллы для учебы, Внутри покупал использованные. От чего дико болела голова и иногда выпадали целые куски лекций. Их потом приходилось читать и заучивать.

Молодой бетельгейзец подрабатывал в местном борделе уборщиком. Хорошо, что менеджером работал его друг детства Ооом, тот подсылал к нему клиентов, что согласны были по дешевке сношаться без предъявления лицензии от министерства Порока. Хватало на жизнь и иногда на наркотики. Но что ты за гуманоид, если у тебя нет мечты?

Только мечты останутся мечтами, с такими доходами, мрачно подумал Внутри и пнул ржавый бок кибер-пылесоса. Он засветился внутренним светом от досады и обиды. Жизнь в Галактике, нифига не справедливая и это факт. Юноша вздохнул и начал тыкать тонкими, острыми и изящными ког-

тями в панель управления пылесосом.

В коридор вышел Ооом, пухленький, излучающий добродушие всеми щупальцами. Нарядная туника прикрывала полное тело, но, по последней моде, оставляла открытыми гениталии.

– Привет, Влутри! – обрадовался он другу – Что нового на помойке?

Это не было оскорблением. Бетельгейзцы восемьдесят тысяч лет назад приняли обет «неуборки планеты» и на всех семнадцати обитаемых планетах и лунах вокруг Бетельгейзе царил неопиcуемый кавардак. Они потому так охотно нанимались уборщиками, что религия религией, а жить на свалке с рождения и до смерти просто отвратительно.

– Нормально, – вздохнул юноша – все гниет вовремя и разлагается не рано.

На этом ритуал приветствия был закончен и друзья обнялись. Солярианин обвинил тощего Влутри всеми одиннадцатью щупальцами и позеленел от удовольствия. Бетельгейзец был сдержан и аккуратен. Его десятисантиметровые когти легко кромсали титановые сплавы, совсем легко поранить друга.

– Ты закончил? – возбужденно прохлюпал Ооом и показал на подсобку щупальцем.

– Последнюю программу введу и свободен. – пожал тощими плечами Влутри. Ну хочет друг позабавится, почему бы и не уступить?

Через тысячную цикла они вернулись в коридор. Вполне

довольные друг другом. Скурили на двоих косяк с альдебаранской плесенью и рассматривая зрительные галлюцинации уселись на пол.

– Влутри, друг мой, – Ооом ласково поглаживал колено друга – я ведь не просто так пришел. Помнишь ты все мечтал о биокомпе?

– И сейчас мечтаю, – кивнул бетельгейзец рассматривая узоры на пластиковой обшивке коридора – только арктурианская корпорация Мегасофт, такие цены накрутила, что надо быть начальником сектора, чтобы купить самыйдохлый. Вон, даже ты не можешь себе позволить.

– Позволить не могу, – щелкнул клювом Ооом – но биокомп имею. И тебе могу помочь, по старой дружбе.

– Врешь! – с юноши слетел наркотический хмель – Это же хренова куча хряпов нужна!

– Когда это я тебя обманывал? – воскликнул оскорбленно солярианин, потом вспомнил и добавил – В этом цикле?

– В этом, еще ни разу.

– Пошли в мой звездолет, сам увидишь!

Друзья пошли к телепортатору и через мгновение очутились на пассажирской швартовой палубе. Помятый и местами ржавый макролет V-E-D-R-97, в народе называемый просто «Ведром», достался Ооому в наследство от полоумной бабушки. Но он летал, антиматерии на него надо было всего ничего, а внешний вид солярианин компенсировал роскошным внутренним интерьером.

Привычные движения щупалец и неуклюжий звездолет вылетел через силовой шлюз. Отлетев положенные полпарсека от «Звезды Смерти», Ооом, не принялся за кропотливые и долгие расчеты места прибытия. Просто включил звуковой инерфейс и сказал:

– Звезда, желтый карлик, галактический код R8N98V34, третья планета.

Внутри не поверил своим ушам, но в недрах корабля слышался машинный код биокомпьютера. Уж этот визг и завывания ни с чем не перепутаешь. Правда он был более прерывистый и резко очерченный чем на кораблях Флота, но все же настоящий.

– Ты его что, украл? – ужаснулся юноша – Да тебя за такое керамическим паукам скормят!

– Нет, друг мой, – Ооом наслаждался эффектом – все куда законнее и интереснее. Ты биокомпьютеры видел когда-нибудь?

– Ну, так, на голограммах.

Солярианин щелкнул тумблером и центральная колонна, что раньше вмещала обычный цифровой вычислитель, распахнулась. Среди проводов подключения и шлангов жизнеобеспечения, распластался биокомпьютер. Совсем непохожий на голограммы. Внутри вздрогнул:

– Обалдел? Это же гуманоид!

– А ты думал откуда Мегасофт берет органику? – Ооом довольно потер щупальца – Эти ухахи нашли на окраине Га-

лактики вшивую планетку и дергают оттуда материал. Местным впарили что дети это плохо и ихние самки сами скачут сдавать зародышей. Для сбора приспособили метаморфов из скопления Черных Вдов, те под местных жрецов маскируются и собирают урожай.

– Они совсем тупые, – спросил Влутри – детей своих гробить?

– Да, не самые светлые разумы во вселенной – хмыкнул солярианин – но все законно. Они не входят в Галактический Союз и следовательно не являются разумными. Я совершенно случайно набрел в эту занюханную систему. Если честно, движок заглох, а тут такой подарок.

– А почему этот компьютер не похож на те, что в кораблях Флота? – спросил Влутри подходя ближе. Биокомп открыл глаза и стал разевать рот. Машинный код разносился по всей рубке.

– Так Мегасофт берет еще не рождённых и развивает только нейронную систему и систему питания, а тут полностью сформированная особь.

– И что оно говорит?

– Откуда я знаю, – развел щупальцами Ооом – я похож на специалиста по машинному коду?

– Ангел, я наконец вижу ангела! – кричал Джонни по-английски – Боже, я выдержал, наконец я умру! Слава тебе Боже. Я больше не увижу того демона, что пытал меня все это время! Как я рад что это сейчас закончится!

– Это все понятно, – Влутри повернулся к подошедшему другу и приобнял его, почему-то биокомп глядя на это забился и завизжал громче обычного – но я-то тебе зачем?

– Щедрость? Желание помочь другу? – неуверенно перечислял Ооом и, глядя на недоверчивое лицо друга сознался – Понимаешь, ты не только на них похож, ты похож на тех существ, которым они поклоняются. Мне пришлось все щупальца стереть, пока я поймал этого. А к тебе они сами попрут. Хоть штабелями укладывай. Да мы утонем в хряпах, если все по уму сделаем. Согласен?

– И как же мне их приманивать, если я в машинном коде тоже не очень разбираюсь? – резонно заметил Влутри.

– Ну, парочку-другую фраз можно составить и с нашим знанием кода. Главное внешность, а с внешностью у тебя порядок.

Татьяна Сенцова считала свою четырнадцатилетнюю жизнь законченной. Димка Глыбов бросил ее ради этой жирной курицы Витки. Размазывая злые слезы она шла по ночному парку. Эмоции еще не уступили место здравому смыслу и до девочки не дошло: два часа ночи, темный парк и молодая девушка не очень хорошее сочетание.

Что не сделал разум, сделал холод. Она замерзла. Оглянулась и поняла, что понятия не имеет где находится. Дитя города заблудилась и испугалась. Присмотрись, она бы заметила далекие огоньки пятиэтажек, но страх воображением

переместил ее в центр тайги. Таня обхватила себя руками и застыла.

Гул и яркий свет, возникли ниоткуда, еще секунду назад вокруг была глухая ночь и наступил день. Из столба света вышло самое прекрасное создание, которое Таня видела в жизни. Белоснежные волосы ниже плеч, изумительно красивое лицо, статная фигура и светящаяся кожа. Татьяна увидела ангела. Тот ступал к ней. Величаво, но даже не касаясь травы.

– Человек, мы пришли с миром. – торжественно говорил он.

– Ты, так прекрасен! – прошептала девочка.

– Человек, мы пришли с миром. – повторил ангел.

Татьяна сделала один шаг на встречу чуду, потом другой, третий. И только подойдя почти вплотную заметила, что у ангела внушительные когти, а в руках он держит что-то похожее на плеть. Она бы убежала, но парализатор достал ее.

Когда она пришла в себя, то не могла пошевелиться. Все тело разрывалось от боли. В ее нежную кожу было воткнуто сотни трубок и проводов. Девочка закричала глядя на металлические стены своей пожизненной тюрьмы. В голову лезли какие-то цифры и принуждали считать-считать-считать. Она считала, потому что отказаться нельзя. Потому что отказ вызывал еще большую боль. Татьяна считала и кричала. И машинный код был слышен даже через звукоизолированную панель машинного отделения звездолета.

Город людей со светлыми лицами.

Наконец-то! Избавились от всего этого биологического мусора. Вот теперь-то заживем! Никто не нахамит в подъезде, никто не будет оскорблять взгляд грязной спецовкой и вонять потом.

Конечно, город получился небольшой. Ну что же поделаться – действительно талантливых и гениальных людей, мыслящих свободно и без рабской психологии у нас мало. Единицы, среди серой массы. И все же на город нас собралось.

Вчера выгнали последнего, какого-то сантехника. Он еще имел наглость покрутить пальцем у виска напоследок. Без высшего образования, а корчит из себя... Но всё, теперь заживем.

Утром зашел за круассанами и кофе. Встретил светлолицего борца с москалями, вместе покричали «слава украине – героям слава», а потом я послушал красивый украинский гимн. Инесса, что продает круассаны и кофе, а также ведет свой блог «Ногтики и борьба с тоталитаризмом», налила мне «эспрессо», а свободолюбивому украинцу «американо». Вполне приятельски улыгнулись друг другу, но не больше. Мы теперь, свободные от убогих «совков» обязательно станем нетрадиционным большинством, а с феминистками будем только друзьями, которые вместе ненавидят белых шовинистов.

Я даже посмотрел с нетрадиционной целью на борца с москалями, но у того было слишком объемное брюхо. Видимо, он давно не делал фотосессию в спортзале. Тоже можно понять человека – с утра до ночи он борется с Москвией в интернете и по телевизору.

Хотел было уходить, но круассаны оказались черствыми. Сурово, а удовлетворять прихоти клиентов и означает быть настоящим продвинутым европейцем, попенял Инессе. Та извинилась и пояснила, что толстую бабищу, что пекла пирожки и кондитерские изделия тоже выгнали. Еще бы, эта колхозница даже Булгакова не читала, а также гордилась дедом, что убивал несчастных немцев в Берлине сорок пятого года.

Конечно, таким в нашем городе не место. Как можно гордиться такими предками? Он небось немок насилывал, лишь изредка прерываясь, чтобы убить какого-нибудь «лесного брата» или бандеровца.

Домой пришлось идти в обход. На улице святого Солженицына прорвало канализацию. Конечно, в этом виноват СССР, специально сделали канализацию так, чтобы ее хватило лишь на тридцать лет.

Но у нас город социально активных людей, и никто не остался в стороне. Приехал певец-винодел и спел песню о тоталитарном прошлом. Режиссер европейской ориентации, тут же устроил перформанс, правда от результатов его перформанса лишь добавилось вони, но кучки он раскладывал

очень творчески, в виде пятиконечной звезды. Как объяснил творец в конце своего представления, это должно символизировать наше отношение к коммунизму. Все ему аплодировали и поддерживали.

Известный своей любовью к Вятским лесам, американским лобстерам и донатам, оппозиционер, собрал митинг, где пообещал каждому резиновую уточку и миллион долларов, если его выберут президентом в прошедшем году.

Помитинговав до обеда, я все-таки пошел домой. Круасаны и кофе были съедены еще во время представления. Почему-то никто не привез пиццу на заказ. Менеджер пиццерии пояснил, что мог бы и сам отвезти, за дополнительную плату, но не знает, как снять упаковку с колбасы и чем порезать сыр. Я всеми силами старался войти в положение менеджера, ведь не для того он пять лет учился в университете, но хотелось есть. В холодильнике я нашел кусок контрабандного пармезана и банку оливок.

Свет вырубился около полуночи. Я вспомнил, как отец, тот еще ватник, проверял пробки. Пощелкал кнопочками в щитке, но света не было вообще в городе.

Айфон еще работал, и я почитал оппозиционные, правильные сайты. Все склонялись к мысли, что США и Европа нам поможет. Ведь не могут же они бросить на произвол судьбы тех, кто всеми силами тащил неумытую Россию в стан цивилизованных народов.

Утром, несмотря на резолюцию Совета Европы и под-

держку сената США, свет в городе все-равно не появился. Мало того, самым подлым образом, не удивлюсь, если к этому приложили руки кадуровцы, исчезла вода в кране.

В магазине творилось черти-что. Владелец заломил безумные цены за продукты не требующие приготовления. Печенье стоило дороже муки в пять тысяч раз. Брали. Ну нельзя же ограничивать свободу рынка, право слово. Ухватив в давке два пакета сухариков и пачку крекеров, я вышел из магазина задумчивый.

Нехорошие мысли зарождались в моей голове. Можно сказать, что совковые. От этого становилось страшно: а что если мы, креативные и прекрасные, нуждались в пролетариях больше, чем они в нас?

Продекламировал Бродского. Не помогло. Крекеры утихомирили голод, но что будет дальше? Конечно, я был готов страдать за общеевропейское дело, за демократию и права человека, но не на голодный желудок и в цивилизованных условиях. А зима? От этого я вздрогнул. Как сделать куртку, я представлял слабо. Да и зачем мне это было, если они, куртки, все время есть в магазине.

Конечно я не струсил. Просто решил прогуляться и посмотреть, как там дела у пролетариев за границами города. Может быть они уже поняли, какую потерю понесли и, вероятно, они уговорят меня нести им просвещение и демократию.

Велосипед не машина, вот только на заправке тоже нико-

го не было, так что я оказался в выигрыше. Мы определили, что пять километров вокруг города не должно быть ни доярок, ни колхозников, ни прочей биомассы. Так что крутить педали пришлось довольно долго.

За красивой, радужной ленточкой, растянутой между двух деревьев, начинались владения Мордора. Я помнил, как со слезами на глазах смотрел на установку этой ленточки. Какое счастье испытывал. Может быть стоило потерпеть? Ну не могут же цивилизованные европейцы обманывать креативный класс, даже в такой стране как Россия? Вот-вот поступит гуманитарная помощь, а мировая общественность начнет нас любить и улаживать.

Телефон садился, и я успел прочитать только заголовок «РОССИЯ избавляется от балласта, что ждет креативный класс?»

Впереди, метров через двести-триста, была какая-то полоса поперек дороги и поля. Я подъехал ближе. Суровые, хмурые мужики, в грязных спецовках проворно строили стену из кирпича. Кладка была торопливая, неровная. Но им все время подавали раствор и кирпич, а стена росла поминутно.

Высота стены еще не превышала полутора метров. Я подумал, что там, среди серого совкового электората, будет сытнее. Не знаю, откуда выкристаллизовалась подобная уверенность.

Я рванул к стене, но один из мужиков, тут же швырнул в меня кирпич. Не попал. Я в ужасе отскочил. Что он себе

позволяет? Куда смотрит полиция?

Куда смотрит полиция я заметил через секунду. Потому что полицейский смотрел на меня, причем, через прицел автомата. Зря, понял я, очень зря мы обличали и совков, и полицию разом.

– Топай назад, – грубо сказал полицейский – будете друг другу бабершоп устраивать, а ежели оголодаете, так с майнинговых ферм жрите.

Работяги заржали, но даже на секунду не перестали строить стену вокруг нашего прекрасного города людей со светлыми лицами. Они вовсе не хотели нас кормить и им было плевать на демократические ценности, равно как на наши призывы платить и каяться.

Я поднял велосипед и побрел обратно в город, лихорадочно вспоминая те, «неважные» сведения, что пытались втолковать мне мои родители-ватники. Например, как сажать огород или как прочистить засор в унитазе. Подул холодный ветер и я, чувствуя себя предателем, раскатал штанины, чтобы они прикрывали лодыжки.

Жаклин и император.

Весна захлестнула березовую рощу. Трава росла не по дням, а по часам. Она скрывала мусор, брошенный людьми. Каждый новый распускающийся лист, вопил яркой зеленью: я живой. Одуванчики деловито взламывали асфальтированные дорожки. Выюн и хмель оплетали пустые лавочки. Пти-

цы вили гнезда на фонарных столбах. Маленький ручеек пересекал детскую площадку. Нетронутая ржавчина, темными пятнами, покрывала песочницу и поломанную карусель. Жаклин стояла у обрыва и любовалась закатом. Золотое яблоко солнца, медленно спускалось к горизонту. Хотя солнышко пригревало почти по-летнему, Жаклин куталась в шаль. Широкополая шляпа бросала тень на изящное, породистое лицо. В темных, почти черных, глазах мерцали теплые отблески заката. Темно-синее платье подчеркивало фигуру. Ветерок шевелил складки подола, она стояла неподвижно. Жаклин не пошевелилась даже когда услышала сзади шаги, она знала кто это, и знала первые его слова.

Наполеон мягко шагал по траве, лишь шпоры глухо побрякивали. Он не помнил, как здесь оказался, но ему страстно хотелось увидеть лицо дамы в синем платье. Страусиные перья ее шляпы призывно покачивались. Бонапарт подошел и облокотился о перила террасы, Жаклин нежно и как-то потерянно улыбнулась ему.

— Жаклин? Ты! — Наполеон растерялся. — откуда ты здесь?

— Так получилось, прости...

Этого не могло быть, Жаклин, его первая любовь, умерла от воспаления легких двадцать пять лет назад. Тот же завиток, тугих каштановых волос, за ухом. Небольшой с едва заметной горбинкой нос и лебединая шея. Нет, это была именно она, причем Жаклин нисколько не постарела, с той весны

в Авиньоне.

— Странно, совсем никого нет. – Наполеон обвел жестом пустой парк.

— Да, людей здесь нет. – ответила Жаклин.

Солнце, тем временем, коснулось горизонта. С громким гудением, мимо пролетел огромный овод. На шляпу Жаклин, приняв ее за цветок, села бабочка, похожая на капустянку, но размером с добрую тарелку. Шелестели листья, но покой вытесняла неясная мысль, что медведем ворочалась в голове.

— Здесь что-то не так. Не пойму в чем дело. – император внимательно огляделся. – это место не правильное...

— Обними меня— попросила Жаклин, зябко кутаясь в шаль— ни о чем не спрашивай, просто обними.

Бонапарт подошел вплотную, своими ладонями накрыв ее плечи. Миг невыразимого счастья заполнил его душу. Стоять так вечно, вот его единственное желание. Громкий, но равнодушный женский голос разрушил очарование мгновения.

— Интерактивная трансляция постановки «первая любовь Наполеона» будет завершена через шесть минут. – голос доносился со всех сторон.

Жаклин заплакала, Бонапарт нервно оглядывался.

— Что это за чертовщина?

— Нас нет, мы давно умерли— по ее прекрасному лицу текли слезы— мы с тобой интерактивные модели в спектак-

ле.

— Каким спектакле? О чем ты говоришь? Если это спектакль, то где зрители? Кажется, я сошел с ума.

— Зрителей нет и никогда не будет. Уже двадцать лет никто не смотрит это представление— тонкими пальцами она прикрыла губы Наполеона, предупреждая его вопрос. — люди, жившие через два столетия после нас, овладели многими знаниями. Достигли высот и глубин. Знали великое и малое. Но как грабители они разоряли Землю, и Земля восстала. Был бы ты человеком, и пяти минут не выжил здесь. Трава крепкая как сталь и острая словно бритва, вода отравлена, а в воздухе безжалостная болезнь. Люди вымерли меньше чем за год, но их произведения продолжают работать. Каждый вечер я стою здесь и жду тебя, по злой прихоти судьбы я все помню. Ты приходишь, и это начинается с начала. Боже, если бы я могла умереть...

Жаклин рыдала на его плече, а император остановившемся взглядом смотрел на исчезающее за горизонтом солнце. Они исчезли в последнем луче, чтобы завтра встретится снова.

ИИ для либерала.

Паше Кулибенко отчаянно нужны были деньги. Только по этой причине он вообще связался с Робэртом, имя полагалось произносить с ударением на второй слог и слегка картавя на французский манер. Сейчас, широко знаменитый в

узких кругах драматург и режиссер, ломился в его дверь как умалишенный. Тридцатисемилетний программист посмотрел на часы, что показывали полвосьмого утра, и вспомнил нехорошими словами маму вопящего под дверью Робэрта.

– Какого мейнфрейма, – хмуро сказал он незваному гостю – ты штурмуешь мой файервол в субботу ни свет, ни заря?

– Ты! Ты! – драматург с удовольствием бы обложил программиста матом, но тот был на голову выше и почти вдвое шире в плечах, так что служитель Мельпомены, только потрясал тщедушными кулачками на безопасном расстоянии.

– Водички дать? – скептически осведомился Паша, отодвигаясь в сторону.

Отношения с соседями и так были не фонтан, так что устраивать скандал на лестничной клетке он не хотел.

– Вот, – Робэрт пинком пододвинул к двери массивный системный блок – забирай свой проклятуший ящик!

Стало понятно, что драматург красный не только от гнева, но и от непривычных физических нагрузок. Волочь системный блок, напичканный платами и с жидкостным охладителем, на четвертый этаж задача непростая даже для крепкого мужчины, к разряду которых Робэрт не подходил даже приблизительно. Паша играючи, но бережно, а начинка стояла очень немало, подхватил системник и занес в квартиру. Следом забежал драматург.

Паша подключил системник к экрану и клавиатуре. После чего резво пробежался по клавишам, проверяя систему

на предмет ошибок. Все работало как надо. В голову программиста стала пробиваться крамольная мысль, что юзер сам нахимичил с техникой. Что, разумеется, никогда не было правдой, все пользователи как один, бережно обращаются с программами и никогда не лезли туда, куда не просят.

С огромным удовольствием, Паша послал бы драматурга в пеший эротический тур, но Робэрт умудрился присосаться к министерству культуры и вполне неплохо жил, ставя на народные деньги высокохудожественные, но слабопосещаемые спектакли про тяжкую долю гомосексуалистов в эпоху кровавых, коммунистических репрессий. А Кулибенко нужно было платить ипотеку и запихивать в себя нужное количество калорий, что на зарплату аспиранта было очень непросто. Программист вздохнул и повернулся к дрожащему от праведного гнева драматургу:

– Ну, и что не так? – вяло спросил он.

– Ты мне что обещал? – взвизгнул драматург – Где достойный электронный слуга, что будет всякую сволочь от квартиры отваживать, а достойных людей подобающе встречать?!

– Стоп, – Паша поднял широкую, покрытую шрамами от паяльника, ладонь в примиряющем жесте – я тебе обещал систему распознавания «свой-чужой», встроенную в общую систему умного дома, подключенную к камерам наблюдения, бытовой электронике, климат-контролю и системам безопасности. Система «Электронный Страж», насколько я могу судить, работает исправно. Даже подпрограмма инди-

видуального характера активирована и действует.

– Система распознавания... – передразнил его драматург
– Ни хрена не работает твоя система!

– Сейчас посмотрю, – пожал плечами Паша и полез в электронные дебри системных настроек – Так... Ага, а почему здесь...

Робэрт заерзал на стуле, потому что «слегка» нарушил инструкции программиста. Паша посмотрел на него суровым взглядом, и драматург вновь почувствовал себя школьником-двоечником. Впрочем, быстро взял себя в руки и сделал так, как поступают все неполживые интеллигенты в таких случаях, то есть закатил истерику:

– Ты не представляешь, какой вред нанесла твоя чертова машинка! – утирая скупую мужскую слезу и размазывая косметику, заныл Робэрт – Это же катастрофа! И виноват в этом ты!

Поскольку главный вопрос «кто виноват» был решен, оставалось лишь поднять по этому поводу как можно больший шум.

– Притормози, – грубо оборвал зарождающийся монолог программист – я тебе что говорил? Алгоритмы ты подбираешь сам, так?

– Что ты мне тут про какие-то алгоритмы втираешь?! – взвизгнул драматург – Из-за твоей машинки, такое случилось! Такое!

– Алгоритмы, – Паша упорно гнул свою линию, не желая

каяться, а тем более платить – вводятся голосом и определяются хозяином. Я тебе предлагал создать обычную базу данных, куда ты мог бы занести всех желательных и нежелательных гостей, верно?

– Как я создам такую базу, – раздраженно отмахнулся Робэрт – если у меня дома по два десятка новых людей в неделю бывает? Мне надо было, чтобы электронный лакей определял, кто из них достойные люди, а кто всякое быдло, которое и на порог-то пускать нельзя. Иначе зачем мне эта фиговина, да еще за пять штук баксов?

– Это не электронный лакей, а система безопасности с голосовым интерфейсом, – Паша уже начинал закипать.

– Вот-вот! – Робэрт почти плакал, сказывалась многолетняя работа в театре – А из-за твоего устройства я в опасности!

– Рассказывай, я чаю заварю, – Паша вздохнул, похоже придется вернуть деньги, да еще и за комплектующие из своего кармана выкладывать, выгодный бизнесок обернулся финансовой выгребной ямой.

– Я ведь тоже не дурак, – Робэрт снисходительно усмехнулся, широким жестом добавляя Кулибенко в разряд мыслящей прослойки – Алгоритмы дело долгое и трудное.

Паша хмыкнул, наговорить на микрофон пару сотен фраз, куда проще, чем вручную писать программы, но этим откровением он с драматургом не поделился. Робэрт подозрительно глянул на аспиранта, но решил пока не удалять из соб-

ственного списка интеллектуалов.

– Как отделить мыслящее, интеллектуальное существо от пролетарского быдла? – Робэрт наморщил лобик, разыгрывая из себя роденовского мыслителя – И тут меня осенило! Литература! Высочайшее искусство! Те, в чьих работах живет истина в последней инстанции! Вот где четкие и внятные определения умных и их отличия от всяких люмпенов. Солженицын, Бунин, Новодворская, Алексеевич...

– И, судя по количеству аудиофайлов, – скривился Паша – ты не нашел ничего лучшего, чем напихать эти произведения в систему?

– Конечно! – обрадовался Робэрт тому, что до его туповатого собеседника хоть что-то дошло – Кто знает больше о «восставшем хаме» чем Бунин? Кому яснее видна разница между совестью нации и отребьями, чем Солженицыну?

– Феерический идиот, – едва слышно прошептал Паша, впрочем, драматург вошел в раж и не услышал его.

– Они, – Робэрт пафосно возвысил голос – понимали эту грань! Они потому и великие! А твоя дурацкая машинка все испортила.

– Продолжай, – программист уже почти смирился с потерей денег и хотел хотя бы насладиться шоу.

– Вчера, возвращаясь я с репетиции, а дома у меня сидит старая карга и пьет мой бразильский кофе. Да еще мило, что вообще невыносимо, беседует с электронным лакеем. Твой спятивший компьютер пустил ее в дом, потому что она веж-

ливая и подходит под описание интеллигентной женщины. А эта полоумная бабка оказалась коммунисткой, с полной сумкой агиток и с орденом Труда на груди! Каково, а? Вот скажи мне, это нормально пускать эту краснопузую мразь в мой дом?

Паша пробежался пальцами по клавиатуре и зачитал изменения настроек, которое внес лично Робэрт:

– «Интеллигентных дам, пускай без вопросов, особо если они милые и кокетливые» Ты сам внес ее в исключения, вот система ее и пустила.

– Милая и кокетливая, – заорал Робэрт – это когда ей от двадцати до тридцати и сиськи четвертого размера минимум.

– Ну, компьютеру до лампочки сиськи, – разумно заметил программист – да и возраст ты тоже не указал. Видимо система посчитала ее интеллигентной, милой и даже кокетливой.

– Да, а почему твой ящик не пустил в дом моих друзей? Они пришли ко мне в дом, а эта чертова штука не только не сообщила мне, но еще вызвала наряд полиции?

Паша нашел нужный эпизод и расхохотался. От чего драматургу захотелось вцепиться программисту в горло, но природная трусость и на этот раз позволила ему избежать травм.

– «Всякую пьянь, ругающуюся матом и блюющую по подъездам даже близко к дверям не подпускай, пусть с ними мусора разбираются» – процитировал он очередное указа-

ние системе безопасности – Думаю, друзья твои были слегка трезвые, говорили отнюдь не на языке Пушкина и нагадили в подъезде.

– Да ты знаешь, что это были за люди? – Робэрт нервно перебирал пальцами край винтажного свитера – Их по телевизору чаще рекламы прокладок показывают!

– Робэрт, – все еще улыбаясь сказал Паша – система не может работать такими категориями. Она делает только то, на что ее запрограммировали, в данном случае ты сам.

– Ты издеваешься?!

– Нет, – Паша примирительно поднял руки – ни в коем случае. Просто объясняю. Это же компьютерная интеллектуальная система безопасности, а не человек.

– Зачем тогда твоя система замочила моего куратора из министерства культуры?

– Чего?! – опешил Паша – Она что, убила человека?

Перед глазами программиста пронеслось его предполагаемое будущее и в нем было очень много решеток. Негнуцимися пальцами он открыл архив, с ужасом ожидая данных об убийстве. Истина оказалась прозаичнее и почти некриминальной.

– Степан Семенович, – уже не театрально, поскольку дело касалось личного кошелька творца, зарыдал драматург – пришел поговорить о некоторых нестыковках в финансовых отчетах.

Робэрт поморщился от воспоминаний. Откуда чиновни-

ку понять, что для вдохновения совершенно необходим отдых в Ницце и периодические прогулки по Парижу. Конечно, миллионы, выделяемые из бюджета тоталитарного государства, помогали творить. Но с каждым годом режим все сильнее давил на режиссера и требовал отчетности о проделанной работе. А, главное, указать куда пошли деньги.

Куратор пришел домой к Робэрту, несколько перевозбудился от того, что квартира драматурга на добрых сто квадратных больше его собственной и начал орать на интеллигентного человека. Матом и очень грубо. Электронный лакей оценил ситуацию и против нарушителя была применена система пожаротушения. Слизкая, липкая пена, что покрыла чиновника с ног до головы, отнюдь не прибавила ему добросердечия и милосердия.

– Мда... – задумчиво сказал Паша – а договориться с ним ты пробовал? Может вернешь часть сразу, а остальное замнется и как-нибудь отработаешь?

– Он сказал... – как ни странно, но пожаловаться Робэрт мог только этому пролетарию умственного труда, коллеги только радовались его несчастьям – что у него орда таких не очень честных гомосексуалистов.

На самом деле Степан Семенович сказал куда грубее и понятнее. Паша растерялся. С одной стороны, ему даже было немного жаль нечистого на руку служителя Мельпомены, но утешать его тоже не хотелось, уж очень персонаж был отвратен.

Впрочем, истеричные перепады настроения были характерны для Робэрта. Взглянув на тупую, как он считал, морду программиста, он уже впал в буйство. Ведь любому мыслящему человеку понятно, что вина лежит не на слегка неточно распорядившемся деньгами творце, а на компьютерной системе и ее создателе. Издав дикий воинственный крик атакующих хомячков, драматург кинулся на обидчика. Ему даже удалось оцарапать щеку Паши, своими холеными ногтями. Лупить визжащего интеллигента программист не стал, просто дал оплеуху, что направила его в сторону коридора и входной двери.

– Ты мне заплатишь за это! Быдло замкадовское! – верещал Робэрт и снова пытался расцарапать ненавистное лицо.

Дальнейшая речь драматурга была невнятной, хотя и очень громкой. В ней фигурировали «козлы», «люмпены», «пролетарии» и почему-то «горшочек с медом».

– Паша, – послышался спокойный, уверенный голос из закрепленного над дверью динамика – отойди, пожалуйста, на пару метров.

Как только хозяин квартиры отступил, на буйного гостя обрушился шипящий поток противопожарной пены. Следом, подчиняясь воле электронного стража, распахнулись входные двери и могучий пинок программиста отправил мокрого и грязного драматурга на лестничную клетку. Дверь захлопнулась, а система связи не передавала его вопли, только кривое от гнева лицо бесновалось на экране видеодфона.

– Спасибо, Тимофей, – обратился к электронному стражу программист – еще чуть-чуть и я бы ему шею свернул.

– Ничего, Паша. Пивка? – на кухне послышался хлопок открываемой бутылки.

– Это все, конечно, весело, – задумчиво сказал Паша, потягивая янтарный напиток – только теперь я крепко попал на деньги. Он с меня с живого не слезет.

Паша вымучено улыбнулся, уловив двусмысленность своих же слов.

– Я бы не был в этом так уверен, – ехидно, а Паша был действительно талантливым программистом и умудрялся встроить в программы характер, ответил Тимофей.

Электронный страж включил настенный проектор, выведя новостную ленту. «Обыски в театральном комплексе «Солженицын-центр», «Художественный руководитель театра объявлен в федеральный розыск», «Кровавый режим закручивает гайки? Почему СК предъявляет претензии худруку театра.» Судя по количеству заголовков и степени истерики сочащихся из них, дело было серьезное.

– Видимо, – подытожил Тимофей – нашего гостя мы увидим очень нескоро.

– Верно, – ответил задумчиво программист – вот только голосовые алгоритмы в электронных стражах я заблокирую на всякий случай. Ведь техника в руках дикаря превращается в бесполезный кусок металла.

Искушение для кибера.

Сейчас ее поведут! Шепот волнами плыл по толпе. Папаши поднимали детей на плечи, чтобы чада не пропустили ничего из предстоящего развлечения. Молодые горожане вытаскивали из карманов сочащиеся гнилью овощи. Толстая женщина, не скрывая возбуждения, говорила соседке:

– Вы знаете, дорогая, это просто ужасно! Просто кошмарное зрелище!

Соседка кивала в согласии. Ее больше занимал сейчас тот факт, что толстуха была в платье из такого же желтого атласа, что и она. Сволочь портной наврал, что такой ткани нет ни у кого в городе. Ничего скажу мужу, он из него отбивную сделает, решила она. Со стороны входа в темницу раздался истошный женский вопль, это вывели ведьму. Народ радостно закричал: ведьма, казнить ведьму! Визг ведьмы на мгновение перекрыл шум толпы:

– Нееет! Вы же обещали! Покаяние! Монастырь! Жить! Аааа!

В толпе раздался хохот. Дура решила, что если она сознается, ее пощадят. Ну почему некоторые бабы настолько глупы что бы верить инквизиторам, спросила я себя и не нашла ответа. Вадим, здоровенный как медведь смотрел поверх голов и бледнел просто на глазах. Не хватало, что бы он свалился в обморок. Надо срочно его отвлечь.

– Ты понимаешь что, то, что мы собираемся сделать противозаконно?

Он дернул щекой и не ответил. Кому любовь, а кому потом светит вылететь из флота, дал же Бог пилота. Романтик двухметровый!

– А если придется что бы сбежать убивать? Мне прикажешь в солдаты записываться? Ты же муху убить не сможешь. Или ты думаешь, что если я специалист по контактам, то мне это доставит удовольствие? Блин, да ты слушаешь меня или совсем двинулся? Рыцарь, твою мать!

– Кира, посмотри на нее! – я заглянула в глаза молодого пилота и поняла, если будет надо он будет убивать, но девицу спасет. – посмотри, внимательно, и если хочешь, уходи. Я ее не брошу.

Скрипящая и грохочущая, серебряная телега медленно ползла к эшафоту. Девица, прикованная к ней цепями извивалась и вопила. Это уже не были вразумительные просьбы о пощаде, вой загнанного животного. Лысый, тощий старик в ярко-зеленой одежде священника шел следом и, невзирая на субтильную конституцию, легко перекрывая шум толпы, читал приговор:

– Во имя Рогату Утопленного, верного пророка Бога, его скромные служители, рассмотрели дело и гнусное преступление вольноотпущенной Миаты по прозвищу Птичка! Сия вольноотпущенная по собственному признанию пошла наговор с Желтым Драконом и Голубой Предательницей, для получения колдовской силы. Сию силу она употребила на сглаз больных, порчу урожая и даже украла из баронской

казны деньги, причитающиеся данью королю.

Из толпы полетели гнилые овощи и камни, один из камней с хрустом попал в плечо, суставу хана, определила я. Девчонка вскрикнула и в обезумевших от страха глазах промелькнула детская обида, смешанная с болью. Вадим был прав, одно дело знать что на этой планете средневековое общество, другое увидеть воочию эту дикость, конечно, я не смогу уйти. Старик поправил съехавший на бок богатый, железный символ Утопленного и продолжил:

– В своем грехе она дошла до крайности, даже мылась в реке чаще положенных трех раз в год и подвязывала в дни грязи тряпку к грешному входу! Демоны пользовались ею и ее очагом. Но благодаря добрым людям и верным последователям Утопленного эту ведьму предали суду! Наказание за такие грехи суровое, но справедливое...

– Котел! Котел! Котел! – скандировала толпа.

– Котел! Палачу не разрешается оказывать преступнице милость в виде переламывания позвоночника! – подтвердил священник. Люди расступились и девушка увидела помост, под которым стоял наполненный слезами дракона золотой чан. Пар поднимался над грязной жидкостью. Над эшафотом возвышалась толстая деревянная перекладина. Перекинутая через блок веревка покачивалась на ветру. Раньше приговоренных просто связывали и бросали в едкую жидкость. Но новый наместник Утопленного на земле Уко Безгрешный сказал что это слишком мягкое наказание для грешников и

что бы скостить муки ада, они должны мучиться на эшафоте как можно дольше. Теперь опускали постепенно и когда, щелок разъедал ступни до костей, на бедрах кожа только начинала пузыриться. Некоторые, таких считали неисправимыми грешниками, умирали почти сразу, бывали случаи, когда подвешивали живого, а опускали уже мертвого, но это было редко. Обычно до самого заката слышались по всему городу вопли с рыночной площади, а иногда хохот, бывало казнимые сходили с ума от боли.

Ведьма увидела чан и потеряла сознание, по покаянной оранжевой рясе расплывалось темное пятно мочи. Ее резво отвязывали, ничего пятки покроются волдырями, мигом очнется. Я слушала комментарии толстой тетки и мечтала шарахнуть ее голову об мостовую. Все, некогда отвлекаться, что бы из нашего безумного предприятия не вырисовывалось, но время действовать наступило.

– Все, Вадим, включай технику, – обратилась я к нему по-русски.

Мы врубили на полную мощность гравипояса и взмыли в воздух метров на тридцать. Я осмотрелась, мой расчет оказался верным, ее как раз расковали и тащили бесчувственное тело к помосту. Цепи сняли, а значит можно быстро, пока они не опомнились, схватить девку и смыться.

Люди задрали головы и смотрели на нас, самое время, из, еще ночью, расставленных по углам башен динамиков загромыхал «Полет Валькирии» Вагнера. Лет через сорок, пры-

щавый молодой стражник, ставший аскетом и мудрецом, напишет, что музыка небес сопровождала посланников Бога. Стандартные сигнальные фонари скафандров мы усилили дополнительными лентами-светопрофиля, со стороны мы, должно быть, выглядели глупо, но в глазах этих дикарей, вполне сошли за пришельцев с небес, что, в общем, было совершеннейшей правдой. Слово взял на себя Вадим, как более крупный и похожий на оскорбленного ангела:

– Грешники! Порождение пустыни! Покайтесь! Вы впали в грех жестокости!

Про жестокость это он от себя добавил, святая невинность, парень подумал, что вправит им мозги двухминутной проповедью на тему гуманизма.

– Кайтесь! Кайтесь! Вы все согрешили! – гремел его, усиленный динамиками голос. Все торопливо сели на землю и засовывали голову между колен в покаянии. Мы беспрепятственно забрали бесчувственную девушку и стали подниматься и тут она очнулась. Весь наш так хорошо продуманный план чуть не пошел коту под хвост. Перепуганная девица стала вырываться и нарушать линейность полета. Подлетевший, вовремя Вадим приложил ее биоэнергетической анестезией.

– Так, Вадик, с тобой все понятно, но ты Кира! – капитан Лань недовольно нахмурилась. – Это нарушение не только инструкции, но и Законов Солнечной Системы. Вы понима-

ете, что я должна об этом доложить?

– Да, капитан! – хором ответили мы, Вадим трясся, что за его благородство можно под суд попасть он не подумал. Но я была спокойна, за двадцать совместных рейсов, я изучила капитана, она женщина суровая, но своих никогда не сдает. А девочку ей тоже было жалко, не зря же она первым делом отправила ее в лазарет в обход карантина.

– Значит так, по уложению о ограниченных контактах, я могу принять ее только при условии что она носитель культурных ценностей, находящихся под угрозой исчезновения. Вот и ищите эти ценности. На ремонте мы будем еще сорок шесть дней, так что думайте! Что угодно от вышивания крестиком, до художественного плеванья в потолок. Ясно? Все свободны.

Мы, стоя навытяжку, проводили ее взглядом, на пороге кают-компании суровая капитан обернулась и ободряюще улыбнулась. Вадим, едва шлюзовая дверь затянулась за ней, накинулся на меня:

– Кира, что же делать?

– С чем? – не поняла я.

– Что если она не носитель культурных ценностей? Оставить ее здесь нельзя, это плато безжизненно и она погибнет даже летом, а зимой здесь минус восемьдесят, а вернуть ее назад...

– Вадим, успокойся, пожалуйста. В этом обществе нет роботов и автоматов, так что все делается руками людей, она

обязательно что-то умеет делать, чего не умеют делать наши умники из Департамента. А если ее объявили ведьмой, то есть шанс что она сенсив, тогда ее вообще с распростертыми руками примут. Пойдем лучше к Сухову, посмотрим как там она.

Вадим, молча, кивнул, и мы пошли в медбокс. На пороге мы слышали дикие вопли этой девицы. Парень ломанулся в отсек. Все-таки горластая девка, подумала я и вошла следом. Ведьма вжалась в угол и визжала, трубки системы жизневосстановления торчали из нее, как будто она решила пустить корни прямо на углепластовой палубе. Сухов растерянно смотрел на нее и попытался подойти, девка заголосила еще громче. Я окинула взглядом помещение и догадалась в чем дело:

– Сухов, быстро выйди отсюда и сними медицинский комбез! – он непонимающе уставился на меня, потом посмотрел на комбез и снова на меня. – Бегом! – рявкнула я. Он выскочил за двери. Я подошла к девице и обняла ее, она сначала сопротивлялась, но потом вцепилась в меня и разрыдалась.

– Все девочка, все закончилось! – сказала я на ее родном хонкуре. – ты в безопасности. Все уже закончилось, успокойся, тебе нечего бояться...

– Холодный демон! Холодный демон! – девочка постепенно выходила из истерики. – это был холодный демон, он пришел за мной, я великая грешница!

– Выпей, – я незаметно раздавила капсулу с нейростаби-

лизатором над стаканом с персиковым соком. – Это сок заморской ягоды. Тебе он понравится!

– Ты странная, но я тебе верю... – она посмотрела на меня снизу вверх, доверчивая девочка и вправду верила мне, я почувствовала себя неудобно. – ты хорошая...

Она попробовала сок, несколько секунд шевелила губами и, распробовав махом, выпила все, за всю свою короткую жизнь она не пробовал ничего настолько сладкого. Она робко посмотрела на меня, я улыбнулась и налила ей еще. После третьего стакана стабилизатор начал действовать, и она впадала в полусонное состояние. Вадим поднял ее на руки и положил на стол. Какое-то мгновение он медлил, похоже, решал, стоит ли целовать ее, но просто развернулся и вышел из медбокса медицинский робот уже оплетал ее коконом из трубок и проводов. Я погладила ее по голове:

– Полежи, мы тебя подлечим!

Миата нежно и отстраненно улыбнулась мне и заснула. В кабинете Сухова собралось уже достаточно много народа, кроме Вадима и собственно Леонида Парфеновича, присутствовали: капитан Лань, старший помощник Пахоменко, программисты Ногата и Стивенсон, главный специалист по слухам и по совместительству первый навигатор Цимерман, в углу, поджав упрямо губы, стояла тетя Зина, повариха. Ее знали как добрейшей души человека, у которого всегда можно выклянчить лишнюю булочку, но если она упиралась, ее тучное тело не мог сдвинуть даже авторитет ка-

питана. Остальные, не занятые на вахте, скорее всего, стояли под дверью. Слух о том, что Вадим во время разведывательного полета спас прекрасную принцессу, уже разнесся по кораблю. Слухи вообще распространялись быстрее гравитации, этот парадокс до сих пор не могли объяснить физики. Сухов отвел глаза, ему было стыдно от того что он врач не смог успокоить пациента, а занималась этим я.

– Леонид Парфенович, вы невнимательно прочитали мой доклад о верованиях королевства Цитис. В их религии демоны ада одеты в одежду мертвого цвета, то есть синюю. – я вовсе не собиралась щадить его самолюбие, а вот показать что мои доклады жизненно важны, надо было. – в ее представлении она оказалась запертой в железной клетке нижнего ада с холодным демоном. Счастье что она вообще не рехнулась от страха!

– Ну, я это... Я же помочь хотел... – замямлил доктор.

– Кира, прекрати! – сказала капитан Лань и обратилась к профессору. – Расскажите о состоянии пациента.

– Смертельных травм нет, но как минимум сутки она должна пролежать под аппаратом. У нее сложные переломы шести ребер, неправильно вправленные вывихи коленных, бедренных, плечевых и локтевых суставов. Разрыв селезенки, левое легкое кровоточит и механическое повреждение кишечника. Учитывая недоедание и целый букет хронических болезней, вам повезло, что она дожила до реанимационной капсулы. Ну, еще мелочь: ожоги, разрывы и порезы

кожного покрова. Несколько легких гематом на мозге, но они не опасны.

Что меня смущает, так это то, что повреждения в разных стадиях заживления, как будто она получала их на протяжении двух месяцев.

– Ее пытали. – пояснила я.

– То есть – пытали? – переспросил Сухов.

– Намеренно причиняли боль, что бы заставить признаться в преступлениях. Вывихнутые суставы это от того что ее растягивали на дыбе. Ребра ломали раскаленными щипцами, а внутренности просто отбили, скорее всего, дубинкой.

Сухов шумно сглотнул в наступившей тишине, тетя Зина забормотала по-украински «бидна дытына». Экипаж пытался уложить в головах понимание, что человека можно пытаться. Я их понимала, вот почему специалисты по контактам не любят говорить о своей работе. То во что они с трудом могли поверить, я видела своими глазами и прекрасно понимала, что девочка чудом осталась жива. Они будут ее жалеть и чувствовать себя ее спасителями, хорошие добрые люди, их не будет мучить мысль, что уже сейчас в темнице на той же дыбе кричит другой человек. Для них это кошмарный невероятный случай, для жителей королевства Цитис обыденность, а для таких как я постоянное напоминание, что мы должны хранить этих милых и добрых, потому что иначе и для них это станет обыденностью.

Нас не любили, нет, конечно, уважали, но не любили. А

мы сами себя не только не любили, но и не уважали, даже ненавидели и презирали, потому что мальчик Вадим бросился спасать обреченную без оглядки, а я сначала прикинула шансы и если бы решила что это слишком опасно, бросила бы Миату там, силой утащив сопротивляющегося Вадима. Я хранитель корабля, а не всего мира, так почему мне так поганно? Оглушенные такими новостями ребята разбрелись по местам. Сухов колдовал над трехмерным пультом и вполголоса давал команды нанохирургам. Капитан подошла ко мне и положила руку на плечо:

– Кира, я знаю, что эта спасенная жизнь твоя заслуга и я благодарю тебя! Ведь я понимаю чего, тебе это все стоило. Ты молодец!

Она ушла, а я долго смотрела ей в след и гадала, почему эта холодная азиатка так хорошо понимала меня. Я очень умная, но здесь мой интеллект пасовал. Захотелось побыть одной, разобраться и успокоится. Я бегло просмотрела карту состояния пациента, по роду занятий мне необходимо было разбираться в медицине, тем более в травмах, Сухов сделал вид, что не заметил моего наглого вторжения в его царство. Девочка была живуча как кошка, так что уже утром ее придется выпустить из лазарета. Что же утро вечера мудренее.

Миата быстро осваивалась, хорошо поддающаяся гипнообучению уже к вечеру второго дня она бегло говорила по-английски, обучать ее сразу русскому не стали, чтобы не перегружать измученный мозг более сложным языком. Для то-

го чтобы убедить ее что она не в аду, команда оделась в парадные зеленые мундиры дальней геологической разведки, по счастливому стечению обстоятельств оказавшимся цветом праведников в этом мире. Девочка безбожно нарушала предписанную Суховым диету, весь экипаж считал своим долгом сунуть «принцессе» шоколадку или батончик. Зина вообще давала ей укрытие от процедур Сухова и вдоволь вареников с клубникой. Достаточно трудно было объяснить девочке, что туалет находится в определенном месте, а не любом кроме стола и кровати. Сначала девочка цепенела при любом упоминании о своей прошлой жизни. А на просьбу Сухова раздеться для осмотра, она с кошмарной покорностью и слезами задрала юбку. Красный и всклокоченный Сухов прибежал ко мне, я впервые услышала, как этот тихий интеллигентный человек ругается матом. В дальнейшем медосмотром занималась только я, робкое предложение поступило, но я твердо объяснила, что можно считать меня матерью или старшей сестрой и Миата успокоилась. Тогда же выяснилась подлинная причина ее осуждения, дядька Миаты пользовался девочкой как наложницей с одиннадцати лет, любое неповиновение наказывалось либо плетью, либо голодом. Что он с ней делал, девушка назвала с не девичьей прямотой и грубостью. Однажды она не выдержала и попыталась сбежать, ее поймали, и она три недели провела в погребе, на просяной каше и воде. Потом был «воспитательный» разговор с дядюшкой. Ночью Миата взяла нож и отрезала род-

ственнику воспитательный орган. Дядя выжил, но мужиком быть перестал. Чтобы не позорится и не быть обвиненным в убийстве, он обвинил Миату в колдовстве. О том, что происходило после ареста, Миата не рассказывала, а я не спрашивала.

Вадим как павлин распустил хвост и, судя по сияющим глазам девочки ей такое внимание было очень приятно. А я видела кошмары: цепи, дыбы, плахи, медных быков, плети, крючья и извивающиеся от боли люди, а я в это время захлебывалась кровью. Вонючей человеческой кровью. Через десять дней я не выдержала и пошла, сдаваться Сухову.

– Леня, – я нашла врача сидящим за микроскопом, его сухопарая фигура и неторопливые уверенные движения, почему-то подействовали на меня успокаивающе. – У меня проблемы и, похоже серьезные.

– Кира, – он повернулся ко мне – я уже давно жду тебя. С твоего возвращения с тобой что-то творится, давай попробуем разобраться.

– Возьми красную папку из сейфа. – сказала я.

Сухов оторопело посмотрел на меня, красная папка была в сейфе у каждого медика, но она лежала всегда заблокированная и никто не знал что в ней. Была только лаконичная инструкция: открыть исключительно по требованию специалиста по контактам. Существовали сотни версий что там может храниться. От инструкций по уничтожению корабля, до секретных паролей для разговора с Создателем. Все по-

нятное дело ошибались. В красной папке находилась настоящая медицинская карта специалиста по контактам, вряд ли бы экипажи спокойно восприняли информацию что мы, не совсем люди, точнее совсем не люди.

Помимо, развитых силовых и интеллектуальных качеств мы обладаем завидным здоровьем, так что красную папку открывают крайне редко, на медика навешивают килограмм расписок, чтобы не болтал, но единственная реальная его помощь это тестирование системы. Вот это, учитывая, что контрольная система может быть повреждена вместе с организмом, мы сделать самостоятельно не можем. Под его удивленные возгласы, вроде: невероятно или не может быть, я улеглась на стол диагноста.

– Во-первых, заблокируй дверь, – меня его реакция злила, – во-вторых, включи систему гашения агрессии, ты вообще инструкцию прочитал или только моими анализами интересовался?

– Конечно, извини. – он торопливо заблокировал дверь и секунду поколебавшись вдавил кнопку системы гашения агрессивности, меня мягко, но очень прочно охватили силовые захваты. – а это обязательно? – испуганно сказал он указывая на мерцающие захваты.

– Если я внезапно захочу, то пробью головой переборку, – зло сказала я – твоей головой!

– Кира, не надо меня оскорблять. – сказал он спокойно, видно почувствовал во мне перепуганного пациента и при-

рожденная мягкость умноженная на профессиональную этику убедила его удивляться моему досье попозже. – Я ведь на твоей стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.